

проснулся от долгой праздности, он принял благородные меры и первым подписался в числе членов Лиги и объявил себя ее главою. На время он устранил таким образом Гиза. Но эта роль не была роль Генриха, лишенного постоянной энергии: он мог просыпаться только на время от своего усыпления.

В 84 г. умер герцог Алансонский, брат Генриха III и наследник престола (у Генриха не было и не могло быть детей). Тогда отношения партии приняли другой характер: ближайшим наследником престола оказался еретик, отступник Генрих Наваррский. Лига торжественно объявила, что она никогда не признает королем отступника; папа, чтобы обеспечить себя с этой стороны, произнес новое проклятие над королем Наваррским. Все пути к престолу были таким образом заграждены для последнего. Но за него действовали события. Вынужденный Лигой объявить ему войну, Генрих III вел ее вяло и несчастливо, в чем он, впрочем, был не совсем виноват, ибо главная причина неудач заключалась в недостатке денег. Часть некоторых успехов против протестантов, именно поражение немецких протестантских войск, шедших на помощь, досталась опять-таки не ему, а Генриху Гизу: зато в церквах проповедники сравнивали короля с Гизом, как Саула с Давидом. Волнение росло в городах; требовали решительных мер против протестантов, требовали, чтобы Гизу вверено было начальство в войне и чтобы ему доставлены были к тому средства. Король не мог сделать ни того, ни другого, ибо, во-первых, это значило бы ему решительно отказаться от престола, а, во-вторых, ему неоткуда было взять денег. Более всего боялся Генрих прибытия Гиза в Париж. Он послал сказать последнему, чтобы не являлся сюда; но у него не было денег, чтобы послать это приказание с курьером, надо было послать по почте. Получил ли Генрих Гиз это письмо или он разъехался с ним, это неизвестно, но только, несмотря ни на что, он прибыл в Париж 10 мая 1588 г. Драматический рассказ о событиях этих майских дней мы находим у итальянца Давилы (Davila)², близкого человека ко двору Екатерины Медичис. Когда Гиз приехал в город, народ встречал его как спасителя; женщины осыпали его цветами, обливали благовониями. «Ты здесь,— говорили ему,— и мы ничего не боимся». Навстречу ему пели: «Благословен грядый во имя господня...» Народ только что не нес его на руках. Когда Генрих узнал о его прибытии, он побледнел и закрыл лицо руками. При нем были в эту минуту два советника, итальянец аббат del Bello и корсиканец Орнано. Они тотчас дали королю совет пригласить Гиза и зарезать его; аббат подкрепил этот совет даже текстом: «Поражу пастыря, и разыдутся овцы». Король был готов последовать совету, но, несмотря на неоспоримое личное мужество, он не решался: дело, точно, было трудное при тогдашней настроенности духа в народе. Когда Гиз представлялся королю во дворце, он был также бледен; проходя сквозь ряды телохранителей, он кланялся, ему не отвечали; начальник их Крыльон сурово и грозно посмотрел на него. Генрих встретил его строгими упреками — зачем он приехал в Париж; Гиз